

Вэньжэнь Юэ мгновенно сообразил, к чему клонит наставник, и со всем покаянием и робостью промолвил:

— Я еще просто не успел толком взглянуть на себя в зеркало со стороны... Сегодняшним утром мне сперва потребовалось до блеска вычистить весь наш скромный дом, закупить на базаре свежих припасов ради пропитания матушки, а после я еще поспешил навеститься в местную академию-шююань, дабы узнать, не сыщется ли там для меня какой-нибудь поденной работы ради заработка монет. Время пролетело столь стремительно, что я воистину...

— Избавь меня от своего занудства, — Лэ Уя без лишних слов мертвой хваткой перехватил его за край широкого рукава. — Немедленно ступай в комнату и смотри сам.

Оба молодых человека битый час дотошно изучали отражение в начищенной до блеска медной глади зеркала. Вэньжэнь Юэ удивленно повернул голову к спутнику:

— ...Мое лицо действительно осталось точно таким же, как и в былые годы.

Лэ Уя открыл было рот:

— Но по какой...

Следом он махнул рукой, оборвав себя на полуслове:

— Ладно, пустое. Выспрашивать тебя об этом все равно что воду в ступе толочь — толку ноль.

Если сесть да хорошенько пораскинуть мозгами теперь, все это мистическое происшествие со сменой душ и впрямь таило в себе немало пугающих и необъяснимых изъянов.

Первой и самой главной странностью было то, что сам он целых четыре года гнил глубоко в сырой земле, но, очнувшись в один прекрасный день, оказался полон сил и жизненной энергии.

Второй загадкой было то, что душа Вэньжэнь Юэ, хоть и осталась крайне хрупкой и слабой после вопиющего отрыва от плоти, благодаря его собственной деятельной помощи умудрилась выжить и удержаться в подлунном мире.

Ну а третьей — куда, в какие такие края подевалась душа самого Мин Сянчжао?

Если судить по их безумной круговой цепочке смены тел, в тот самый миг, когда книжник испустил дух в застенках, его дух обязан был покинуть плоть и застыть рядом с ними, уставившись на них во все глаза.

Однако Мин Сянчжао исчез в одно мгновение, едва пронесся легкий ночной ветерок, от него не осталось и следа.

Если сопоставить все эти вехи, дух Лэ Уя и впрямь обладал первостатейной, колоссальной мощью.

Быть может, именно по этой причине его энергетика столь явно перекраивала внешность Вэньжэнь Юэ под его собственные прижизненные черты?

Судя по всему, Маленький Феникс ныне владел самыми точными сведениями об этой тайне. Иначе с какой стати ему, боевому генералу, костями ложиться да мертвой хваткой цепляться к безродному мелкому чинуше?

Вот только принимая во внимание его нынешний буйный и безумный нрав, явись Лэ Уя к нему с прямыми расспросами, парень от избытка чувств наверняка окончательно потеряет рассудок и взлетит на целую ступень выше в своем сумасшествии.

Так что правильнее будет докапываться до сути вещей медленно и в одиночку.

Лэ Уя прикинул на глаз разницу в росте между собой и нынешним статным телом Вэньжэнь Юэ. Обнаружив, что макушкой едва достает тому до подбородка, он недовольно проворчал:

— Эх, кабы эта плоть могла вытянуться кверху еще на пару чи, было бы в самый раз.

Вэньжэнь Юэ не сдержал мягкой улыбки.

Этот человек в одну секунду держался со всей строгостью великого мудреца, а в следующую — ударялся в чистокровное детское ребячество, так что юноша решительно не знал, как себя с ним вести.

Он ласково протянул руку и слегка взбил пряди на макушке Лэ Уя, сделав его шевелюру чуть пышнее:

— Вот гляди, разве так ты не кажешься немного выше?

Лэ Уя замер, пристально всматриваясь в его лицо.

Этот малый был кристально чист, благороден и простодушен. Он ведал, что перед ним сидит его «Гу-гэ», который обладает колоссальным умом и талантами.

Но он понятия не имел, что этот человек на самом деле — Лэ Уя.

И ежели наступит день, когда вся правда выплывет наружу, какими именно глазами юноша станет взирать на своего наставника?

Заприметив, что Лэ Уя созерцает его столь сосредоточенно и пристально, Вэньжэнь Юэ вдруг осознал, что его давешний жест с волосами вышел излишне вольным и разгульным. Он поспешно спрятал ладонь за спину, неловко потирая кончики пальцев:

— Гу-гэ, что-то не так?

Лэ Уя мысленно вздохнул: «В конце концов, все опять сведется к горькому разочарованию и обидам, к чему вообще забивать себе голову?»

Вместо бесплодных душевных терзаний правильнее будет приложить как можно больше сил, дабы протоптать для этого парня надежную дорожку в будущее. И если в один прекрасный день тот сокрушительно развернется на каблуках да велит ему убираться вон, он, по крайней мере, сполна выплатит свой долг за временное проживание в чужой плоти.

Сегодняшнее повторное «разбирательство по душам», которое он учинил Сунь Жу, помимо прочего, помогло ему досконально прояснить подлинную причину, по которой Вэньжэнь Юэ годами мариновали на самой унылой и холодной должности в Наньтине.

— Знаешь что!

Лэ Уя мигом прогнал прочь унылые мысли, вновь натянув на лицо самую веселую и задорную улыбку. Ловким движением руки он перехватил свои растрепавшиеся кудри, наглухо завязав их на затылке в один высокий конский хвост, и с неистовым восторгом объявил:

— Да ведь это судейское кресло изначально должно было послужить разменной монетой в одной грязной чиновничьей сделке!

Как выяснилось со слов Сунь Жу, еще в те дни, когда прежний уездный начальник Наньтина только-только готовился сложить с себя полномочия, в хитрой голове судебного заместителя созрел амбициозный план — продвинуться по службе на целую ступень вверх и самолично занять освободившийся пост.

Земли уезда Наньтин отнюдь не числились в империи глухой, гиблой или разорительной дырой. А потому Сунь Жу заблаговременно принялся вовсю обивать пороги верховных палат, всячески заискивать и угодничать перед богачом Чэнем, и в конечном итоге его интриги увенчались успехом: он умудрился протоптать дорожку к тайному маневру, именуемому взаимным обменом чинами.

В те самые дни в одном богом забытом, невероятно нищем и голодном уезде ровно десять лет кряду безвылазно гнул спину на службе другой чиновник по фамилии Хань. По какому-то

счастливному стечению обстоятельств этот муж умудрился безупречно исполнить одно важное государственное поручение, благодаря чему наконец снискал покровительство сильных мира сего и обрел право на перевод в более благодатные края, его будущая карьера сулила сплошные сияющие выси.

И вот, при тайном посредничестве дельцов из Ведомства чинов обе стороны ударили по рукам, придя к полному согласию.

Сей судья Хань должен был со всеми почестями перевестись в сытый Наньтин, в то время как сам Сунь Жу получал долгожданное повышение и отправлялся занимать судейское кресло в тот самый нищий уезд. Расчет был прост: отпахав в глуши пару-тройку лет ради приличия, Сунь Жу впоследствии мог рассчитывать на ответную помощь со стороны успешного закрепиться в верхах судьи Ханя, и тот бы без труда пристроил его на теплое и прибыльное местечко.

Все условия сделки были обговорены до последнего иероглифа, и участники уже потирали руки в ожидании официальных бумаг, как вдруг, прямо перед отправкой указов, на судью Ханя сокрушительным ударом обрушилась невероятная, дикая удача. В одном из соседних, немыслимо богатых и процветающих уездов действующий начальник прямо на рабочем месте внезапно подхватил лютый заворот кишок и в одно мгновение испустил дух, освободив превосходную, сочную вакансию.

Получив столь заманчивое и выгодное назначение, судья Хань, разумеется, со всей расторопностью бросился обивать пороги верховных покровителей и молить о пощаде всех богов, лишь бы его как можно скорее перевели в те сытые края.

И вот тут-то заместитель Сунь Жу угодил в глупое и неловкое положение.

Сам-то он по-прежнему волен был отправиться в тот нищий уезд, да только первоначальный их уговор строился исключительно на взаимном обмене выгодой между ним и Ханем.

Едва судья Хань с величайшим восторгом и ликованием упорхнул на новое место, Сунь Жу остался торчать на заснеженном крыльце в полном одиночестве, получив от судьбы сокрушительную и на редкость обидную оплеуху.

Лишившись соучастника для размена должностями, Сунь Жу прекрасно понимал: сделай он сейчас шаг в сторону того голодного захолустья, это будет все равно что собственноручно залезть по колено в липкую трясину. И кто тогда, скажите на милость, сподобится протянуть ему руку да вытащить обратно на свет?

Ну а почтенный Чэнь Юаньвэй, как ни крути, в чиновничьих кругах не вращался, и мера его заступничества имела свои вполне осязаемые границы.

А потому судебному заместителю не осталось ничего иного, кроме как отказаться от затеи.

Чем ехать на край света и терпеть лишения в глухом, Богом забытом горном ущелье, где никто не ведал его имени, куда сподручнее было остаться в родном Наньтине, где под его ногами покоился устойчивый фундамент, и продолжать жить в свое удовольствие, промышляя местным теневым владыкой.

Вот только из-за этого маневра в глубоком замешательстве оказалось само Ведомство чинов.

Пускай после всей этой суматохи и бумажной волокиты Сунь Жу так и не сдвинулся со своего насиженного места, однако решительно каждому писарю в столице было очевидно: старый лис таскал воду решетом и остался у разбитого корыта, а потому в его груди затаилась лютая, бешеная ярость.

Разумеется, до душевных терзаний какого-то провинциального заместителя столичным мужам из Ведомства чинов не было ровным счетом никакого дела. Однако этот чиновник торчал в Наньтине слишком много лет, пустив там колоссальные и глубокие корни. И теперь, когда вокруг его персоны разразился столь некрасивый скандал, вакантное кресло уездного начальника Наньтина в один миг превратилось в паршивую и неблагодарную должность, занять которую не пожелал бы ни один здравомыслящий муж.

Абсолютно все дожидавшиеся своей очереди кандидаты на чин имели за спиной влиятельных родственников или сильных покровителей. И даже те редкие выходцы из бедных сословий, кто годами пробивал себе дорогу через сито государственных экзаменов, за время учебы успели обзавестись кучей верных товарищей, кои ныне вовсю заседали в столичных палатах.

Поразмыслив над этой головоломкой самым дотошным образом, дельцы из Ведомства чинов размашистым росчерком пера отправили в Наньтинь Вэньжэнь Юэ, юношу, за чьей спиной не стояло ни единой живой души и который по своей молодости должен был послужить идеальным козлом отпущения и мешком для битья для разгневанного Сунь Жу.

До конца осознав подлинную причину, по которой над его головой целых полгода сплошным потоком сыпались лютые несчастья, Вэньжэнь Юэ в сильном изумлении промолвил:

— Неужто нравы в нашем Ведомстве чинов умудрились прогнить до столь пугающей степени?

Лэ Уя даже растерялся от такого ответа:

— ...А я-то грешным делом подумал, что ты первым делом примешься последними словами честить пройдоху Сунь Жу.

Вэньжэнь Юэ едва заметно нахмурил брови:

— Да ведь указ о назначении подписывал вовсе не он.

Лэ Уя сощурил глаза, без труда прочитав потаенные думы своего ученика:

— Чиновничья измельчалость и хаос в делах управления пустили корни слишком глубоко. Сию веку не исправить за один световой день, и ее вовек не удастся до конца постичь, если просто годами сидеть над старинными трактатами да белеть головой за зазубриванием канонов. Дабы обрести подлинную силу для исправления здешних нравов, мужу необходимо сперва истоптать немало дорог, повидать мир и накопить колоссальный опыт. А потому не забивай себе голову великими государственными реформами, а просто делай свое дело, шаг за шагом наводя порядок в мелких повседневных делах.

Вэньжэнь Юэ послушно и кротко склонил голову:

— Да, Шоуэнь внимает наставлениям учителя.

Лэ Уя на секунду застыл в замешательстве, и лишь спустя мгновение вспомнил, что покойный книжник Мин носил второе каноническое имя — Шоуэнь.

Он с улыбкой обронил:

— Гляжу я на тебя, а ты на редкость быстро освоился в чужой шкуре.

Вэньжэнь Юэ неловко почесал пальцем щеку:

— Если говорить начистоту, касательно этого дела в мою душу закралось сильное опасение... Я прекрасно ведаю, что характер мой излишне угрюм и тяжел, мне далеко до былой легкости, живости и расторопности ученого Мина. Боюсь, из меня выйдет на редкость скверный лицедей, и я не сумею безупречно разыграть его долю перед соседями.

Лэ Уя от этих страхов лишь отмахнулся, одной-единственной фразой полностью развеяв чужие тревоги:

— Об этом можешь вовсе не беспокоиться, просто оставайся самим собой. Пройди человек через столь жуткое горнило смертных испытаний, останься его нрав прежним: вот это воистину было бы величайшим и пугающим чудом под этими небесами.

Вэньжэнь Юэ вновь со всей радостью впитал его слова.

Лэ Уя ощутил в груди поразительное, теплое умиротворение, точь-в-точь как в те далекие ушедшие годы, когда он усердно воспитывал и наставлял на верный путь Сяо Шестого.

Какое же это все-таки благо — иметь перед собой послушного ребенка, который ловит каждое твое слово и не доставляет лишних хлопот.

— Да, кстати, о чем это ты давеча упоминал? Сказывал, будто вознамерился искать себе поденную работу ради заработка? — Лэ Уя дружески похлопал его по плечу. — Как найдется свободная минута, изволь жаловать ко мне в кабинет да подсоби разобрать и привести в порядок архивные свитки и книги. А сколько монет потребуется вашему дому ради безбедной жизни, столько беспрепятственно и бери из ларя. ...Но с одним важным уговором: все эти средства ты будешь тянуть исключительно из личных, теневых сбережений самого Вэньжэнь Юэ, из его собственного кошелька. Из казны ямыня я тебе не выдам ни единого чэня, те деньги мне самому позарез нужны ради иных важных дел.

Вэньжэнь Юэ с улыбкой покорно принял указ.

Отослав своего ночного визитера прочь, Лэ Уя вальяжно устроился за письменным столом.

Первым делом он аккуратно развернул тот самый плотный листок благородной бумаги-цзянь, расшитый золотыми нитями.

Почерк Сяо Шестого ни капли не изменился за эти годы, все такой же ослепительный, статный, утонченный и безупречный.

Согласно законам империи, едва достигнув почтенного возраста, принцы крови были обязаны открыть собственную суверенную резиденцию ради ведения государственных дел и одновременно с этим связать себя узами законного брака.

Вот только оставалось загадкой, из какого именно великого рода происходила та благородная девица, что удостоилась чести стать его супругой.

Характер у этого парня от природы был мягким, чутким, а сам он отличался редким вниманием к чужим нуждам. Той деве, что связала с ним свою долю, воистину выпала колоссальная небесная благодать.

Пребывая в этих зыбких размышлениях, он неторопливым движением руки развернул личное предписание Сян Чжиши.

Кто же мог помыслить, что вслед за указом из свитка на полированную поверхность стола плавно опустится точно такой же листок расшитой золотом бумаги-цзянь, на котором размашистым почерком был начертан его собственный точный адрес усадьбы в столице.

Лэ Уя аккуратно подобрал второй листок двумя пальцами и со всем привычным покровительственным пристрастием уныло подумал: «У нашего Сяо Седьмого душонка-то с кулачок: мелочный, капризный да на редкость язвительный малый уродился. Той бедной

девице, что сподобится выйти за него замуж, воистину придется проклинать свою долю до восьмого колена. С таким деспотом с ума сойти можно в одно мгновение».

Ну, разве что если невеста сама окажется точно такой же ушлой и коварной интриганкой, способной вести с ним теневые игры, только при таком исходе они сумеют прожить в ладу до гробовой доски, выказывая друг другу положенное почтение.

Лэ Уя положил оба листка бумаги рядышком друг с другом и глубоко погрузился в свои мысли.

С той самой кошмарной поры, как Наследный принц Сян Чжимин безвременно ушел на тот свет, священный престол Восточного дворца империи круглыми годами оставался пустующим.

Второй принц империи, Сян Чжичжэн, от природы питал неистовую, безумную страсть к кавалерийским наскокам, загонной охоте и лютой сече, а всякую утонченную словесность, канонические книги и марание бумаги тушью ненавидел всей душой. В бурные годы своей юности он частенько любил прибегать в их павильон ради того, чтобы без зазрения совести красть их учебные часы, и долгое время категорически отказывался признавать превосходство Лэ Уя в искусстве меткой стрельбы. И лишь после того, как они провели добрый десяток изнурительных кругов личных состязаний на плацу, принц окончательно признал поражение, всем сердцем преклонившись перед талантом учителя.

С тех самых пор, стоило лишь завязаться какому-нибудь увлеченному спору о загонной охоте или выезде в степь, принц неизменно мертвой хваткой утаскивал Лэ Уя с собой. И так продолжалось до тех пор, пока здоровье наставника не начало планомерно и стремительно сдавать, отчего Второй принц лишь с величайшей неохотой и досадой был вынужден оставить его в покое.

После кончины Наследника этот принц по праву считался старшим среди братьев, да вот беда — за долгие годы юности он безвозвратно упустил драгоценное время ради наук, да и талантами к зазубриванию канонов природа его обделила начисто. Так что на священный престол Поднебесной ему оставалось лишь взирать издали с глубоким, бессильным вздохом.

Третий принц, как известно, угас во младенчестве. Четвертый принц, Сян Чжифэй, хоть и уродился на редкость крепким и здоровым малым, однако нравом отличался излишне мягким, робким и податливым. Он всей душой погряз в утонченной словесности, каллиграфии да созерцании горных пейзажей, отчего державный отец никогда не жаловал его своим особым монаршим вниманием.

Ну а к моменту, когда сам Лэ Уя оборвал свой земной путь, Пятый принц, Сян Чжиюнь, уже вовсю мотался по дальним провинциям, успешно заправляя важными государственными делами. В его повадках и решениях уже тогда четко угадывалась величавая, твердая стать истинного владыки людей.

Интересно, какими делами ныне занят этот Пятый принц и куда занесла его судьба...

При этой мысли Лэ Уя вдруг не выдержал и весело, залиvisto расхохотался на все покои.

Да какое, к лешему, ему до всего этого дело?!

Ныне он заброшен судьбой в глухомань, где небо высоко, а державный владыка — бесконечно далеко. Сам он полновластный уездный начальник, и под этими небесами больше нет ни единой души, коя посмела бы понукать им или читать нотации!

С чувством безграничного, неистового восторга он плашмя повалился на кровать, счастливо перевернулся с боку на бок, а после распахнул дубовые двери и громогласно крикнул дежурным слугам во двор:

— Грейте воду! Живее! Господин желает принять ванну!

Горячая купель до последней капли смыла с его тела скопившуюся за эти бурные ночи лютую усталость и изнеможение.

Наконец-то добравшись до чистой постели, Лэ Уя со всеми удобствами провалился в глубокий, беспробудный и восхитительный сон.

На следующее утро со двора донесся залиivistый перестук копыт: примчавшийся во весь дух гонец почтительно передал устный приказ от самого главы округа — господин заправила Ичжоу незамедлительно вызывал уездного начальника к себе в управу ради чинного обсуждения государственных дел.

Лэ Уя спешно собрал дорожные узлы. Отказавшись от пышного эскорта и конвойных стражников, он оседлал лишь одну приземистую, покладистую и весьма упитанную саврасую лошадку и самым вальяжным, неторопливым шагом двинулся по тракту в сторону резиденции главы округа.

В своей прошлой жизни Лэ Уя души не чаял в породистых, высоченных боевых скакунах. И едва заняв плоть Вэньжэнь Юэ, он уже успел сполна удовлетворить эту былую страсть во время ночной скачки, так что теперь ценил исключительно покой и телесное удобство.

По дороге он вознамерился было мимоходом заглянуть к спасенным из забоя шахтерам, дабы узнать, как продвигаются их дела, но совершенно неожиданно у самого крыльца храма Городского божества, где временно обустроили рабочих, наткнулся на Вэньжэнь Юэ.

Тот успел развернуть прямо у обочины крошечный уличный прилавок: одна хлипкая табуретка, колченогий столик да кусок синей ветхой материи, содранной со старого одеяла, на коем размашистыми мазками туши красовались два огромных иероглифа: «Письма на заказ».

Опасаясь, как бы неграмотные прохожие не прошли мимо, юноша для верности еще и

умудрился набросать рядышком кривое изображение почтового конверта.

В ту секунду, когда Лэ Уя поравнялся с прилавком, подле стола как раз застыл один исхудалый, почерневший от угольной гари шахтер, робко выпрашивая цену за услуги.

Лэ Уя лениво направил лошадку поближе к крыльцу:

— И какими это делами ты здесь промышляешь, а?

Вэньжэнь Юэ еще издали заметил наставника, а потому поспешно поднялся со стула и почтительно скрестил руки в приветствии:

— Почтение господину судье. Ваш слуга пишет весточки на заказ.

Лэ Уя, заложив руки за спину, смерил его строгим взглядом: «Да ведь я же еще вчера вечером велел тебе жаловать в ямынь ради архивных дел, не так ли?»

Вэньжэнь Юэ мягко и покорно промолвил:

— Господин судья изволил наказать мне досконально изучать нужды простого люда и строго-настрого запретил марать бумагу тушью в четырех стенах, не ведая подлинной жизни подданных. Вот ваш слуга и вознамерился приискать для себя честный заработок. По великому милосердию господина судьи та часть наличного серебра, что была конфискована у подлеца Чэня, уже вчера была сполна выплачена на руки рабочим. Ныне сердца этих несчастных исходят горькими слезами от пронзительной тоски по родным очагам. И я рассудил, что, помогая им начертать весточки домой, ваш слуга не просто сумеет заработать малую толику монет на пропитание матушки, но и получит идеальный шанс разузнать нужды бедного сословия Поднебесной: воистину, три великих блага в одном маневре.

«А парень-то, как ни крути, родился и вырос в купеческой семье — деловую хватку и верный коммерческий расчет у него не отнять при всем желании», — мысленно усмехнулся Лэ Уя.

Он дружески похлопал ученика по плечу ради подкрепления его духа, перекинулся парой ласковых фраз с преисполненным глубокой благодарности шахтером, после чего пришпорил коня и полетел дальше исполнять свой государственный долг.

Под началом ведомства округа Ичжоу находилось ровно двадцать три уезда, и согласно имперскому уставу, раз в месяц абсолютно все начальники были обязаны съезжаться в главную палату ради чинного обсуждения текущих дел.

Разумеется, ежели в каком-то конкретном уезде разразилось грандиозное происшествие, глава округа мог и в обход графика вызвать провинившегося чиновника на ковер, дабы лично всыпать ему горячих и устроить суровую выволочку.

Но на сей раз так совпало, что громкое следствие по делу о «государственной измене» в Наньтине по срокам точь-в-точь наложилось на плановое ежемесячное совещание, а потому в зале заседаний должны были в полном составе собраться все двадцать три уездных начальника округа.

Земли уезда Наньтин испокон веков числились в округе самыми мелкими и незначительными, а поскольку сам Вэньжэнь Юэ занимал свой пост от силы полгода и по возрасту был самым юным среди коллег, на всех прошлых собраниях его законное место неизменно находилось в самом глухом, унылом конце стола у самых дверей.

Однако в этот день его судейское кресло со всеми почестями перенесли в самый первый, почетный ряд, поближе к председательскому месту.

Лэ Уя не выказал ни малейшей робости или смущения. Он размахистым движением расправил полы халата и со всей невозмутимостью уселся на отведенное место.

Зал заседаний мало-помалу заполнялся прибывающими чиновниками.

Миновал всего один световой день, но решительно каждый уездный судья в округе уже успел в деталях наслышаться о том, как этот юный Вэньжэнь Юэ среди ночи экстренно открыл ворота управы и в одиночку разыграл сокрушительную партию против местных заговорщиков.

Ну а те из дельцов, чьи шпионы в столице работали расторопнее, помимо прочего, доподлинно проведали, что в захолустный Наньтин под покровом ночи изволили тайно пожаловать какие-то немыслимо высокопоставленные и грозные вельможи из ближайшего окружения Сына Неба.

От их бывшего высокомерия, пренебрежения и полного игнорирования безродного юнца не осталось и следа. Солидные, убеленные сединами чиновники один за другим почтительно шагали к его креслу, со всем дружелюбием и вежливостью рассыпаясь в самых изысканных приветствиях.

Лэ Уя от природы никогда не жаловался на память. Перед выездом из ямыня он умышленно пролистал несколько старых циркуляров округа с резолюциями и приказами, благодаря чему наглухо запечатлел в голове имена и фамилии всех двадцати трех уездных начальников. К тому же, явившись в палату раньше всех остальных, он за чашкой чая успел лениво расспросить тамошних прислужников, без труда зазубрив схему рассадки гостей.

А потому, едва очередной чиновник приближался к нему ради светской беседы, Лэ Уя без малейшей запинки и с идеальной точностью величал его по имени.

К тому же он с юных лет в совершенстве владел искусством говорить с людьми на их собственном языке: ему хватало лишь одного беглого взгляда на собеседника, дабы досконально просчитать тайные струны его души и выстроить свои речи именно в том ключе,

какой был наиболее приятен и мил сердцу чужого чиновника.

Подобные уникальные навыки ведения светских бесед и дотошного считывания знаков давались Лэ Уя с такой поразительной легкостью, что казались обычным вдохом и выдохом.

Любой чиновник, вступавший с ним в разговор, уже спустя пару минут чувствовал себя так, словно его окутало ласковое весеннее тепло или он испил кувшин самого благородного, выдержанного годами вина.

Каждый из его коллег уходил от стола в полном восторге, выказывая уездному начальнику Наньтина величайшее почтение и втайне даже начиная сомневаться в безупречности собственного ума: как они вообще умудрялись все эти полгода в упор не замечать столь грандиозного, талантливой и проницательного юношу?

Умеет таить свои помыслы, наделен колоссальным государственным умом, и пускай происхождение его семьи и впрямь оставляет желать лучшего, что с того? Раз уж перед ними сияла подлинная, чистая яшма Поднебесной, то мелкие изъяны биографии ни при каких обстоятельствах не могли затмить ее безупречного благородного блеска.

Разве это липовое дело о мятеже не послужило для него идеальным подмошником, дабы явить Поднебесной весь свой ослепительный блеск?

Пока Лэ Уя увлеченно расточал дежурные любезности коллегам, его наметанный боковой взор заметил одного исхудалого и на редкость высокого старого чиновника.

На вид ему было около пятидесяти лет. Его лицо, вытянутое и узкое, несло на себе печать сурового, леденящего норова, казалось, даже когда мышцы его лица были полностью расслаблены, мужчина все равно выглядел разъяренным и готовым ринуться в бой.

Лэ Уя по свиткам помнил, что звали этого старца Ци Уху, и занимал он судейский пост в уезде Цзиньюань.

Он оказался единственным из присутствующих судей, кто не соизволил сделать и шага навстречу новому фавориту округа. Старик просто сидел особняком в своем углу, безмолвно кипя от праведного гнева, отчего его волосы на голове готовы были буквально встать дыбом под чиновничьей шапкой.

Когда в зале наконец собрался полный кворум, из задних покоев с подчеркнутой неторопливостью соизволил явиться сам глава округа Лю.

Лю Деяо, так звали сего высокопоставленного чиновника, обладал лицом, в чертах коего сквозила излишняя изнеженность и жеманность, точь-в-точь как у столичных франтов, злоупотребляющих белилами и румянами.

Впрочем, в его случае это вовсе не служило комплиментом его красоте.

Особенно теперь, когда почтенный муж успел изрядно раздобреть к середине своих лет: его округлые щеки и вечно сонные, утомленные глаза делали его поразительно похожим на дородную буддийскую монахиню, которая шутки ради нацепила на себя строгое мужское платье.

И то ли из-за того, что зыбкая внутренняя природа чиновника столь явно отражалась на его облике, его манера речи была невероятно тягучей, вялой и затяжной, стоило ему открыть рот, как его голос начинал поразительно напоминать унылое блеяние старой овцы.

Он лениво выплюнул перед залом целую лавину пустых, путаных фраз, суть коих сводилась к на редкость банальным вещам: дескать, в последнее время на округ обрушилось немало государственных хлопот, господа уездные начальники знатно гнут спину на службе, и управа Ичжоу прекрасно ведаёт об их тяготах, да вот беда, самой окружной казне нынче приходится несладко.

Едва у главы Лю пересохло в горле от этого затянувшегося блеяния, он чинно приподнял пиалу, дабы отхлебнуть глоток горячего чая.

Поскольку Лэ Уя восседал в первом ряду ближе всех к председательскому месту, его острый нос мгновенно уловил тончайший, благородный аромат свежих чайных почек Маоцзянь.

Сорта этого благородного напитка имели множество градаций, и цена за них разнилась колоссально.

Опираясь на свой богатый прижизненный опыт столичных кутежей и утонченных развлечений в лучших палатах империи, уездный начальник без труда определил: в чашке у главы Лю плескался первостатейный, невероятно дорогой сорт, который по качеству уступал разве что священным подношениям, отправляемым прямым ходом к императорскому столу.

Лэ Уя сделал мимолетный глоток из собственной пиалы, после чего со всей невозмутимостью опустил посудину обратно на столик, незаметным движением губ смахнув прилипшую к уголку рта чайную крошку.

В его чашке плавала какая-то безродная местная трава: судя по всему, закупленная канцелярией по дешевке из залежалых запасов старой лавки. Листья были раскрошены до такой степени, словно их безжалостно смели веником с самого дна опустевшего жестяного лая.

Успешно завершив излияние своих унылых и пустых речей, глава Лю наконец соизволил повернуть голову в сторону Лэ Уя и со всем своим овечьим благодушием протянул:

— Минкэ, мальчик мой, а ведь ты в своем уезде претворил в жизнь поистине великое и славное деяние.

Узрев, что бразды правления беседой вот-вот перейдут в его руки, Лэ Уя безупречно выпрямил спину и уже приготовился выдать складный ответ по всей форме этикета, как вдруг посреди залы заседаний грянул яростный, преисполненный векового терпения окрик:

— Господин Лю!

Уездный начальник резко повернул голову на шум и обнаружил, что старый судья Ци Уху уже всю гневно топорщит свои седые брови:

— Сделайте милость, извольте сперва вырвать из лютой нужды и разорения несчастных подданных моего уезда Цзиньюань, а уж после растекайтесь мыслью по древу и славьте здешние успехи, коли совесть вам то позволит!

<http://bllate.org/book/18193/2162315>